

Русская Культура

Виктория Левина

*Любовь, как птицу,
приручила*

Русская культура (Интернациональный Союз писателей)

Виктория Левина

Любовь, как птицу, приручила

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Левина В.

Любовь, как птицу, приручила / В. Левина — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — (Русская культура (Интернациональный Союз писателей))

ISBN 978-5-906957-06-1

О том, «что движет солнце и светила», мы знаем давно. О любви написано очень много. Но у каждого она своя. Какой же она является в этой книге? Автор представляет её лик то в ярких красках Средиземноморья, то в бряцании кандалов каторжников в «Леди Макбет Мценского уезда». Она – то счастье, брызжущее радостью, то горе, придавливающее к земле... Настолько разная, что начинает кружиться голова! Приобщитесь к её краскам, засмейтесь и всплакните, вдохните глубоко вместе с автором и почти задохнитесь от радости бытия и от глубокого удивления силой и накалом страстей человеческих!

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906957-06-1

© Левина В., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Биография с акцентом на литературу	6
Я тебя люблю, или Как это будет на иврите	7
Подружка	9
Как меня принимали на работу	11
Ночные бдения у открытого окна	14
День отъезда – день приезда	18
Туалетные услуги	21
Хаим – миллионер с чёрными руками	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Виктория Левина Любовь, как птицу, приручила

Биография с акцентом на литературу

Родиться имела честь в бывшем СССР, на стратегическом аэродроме, что на китайской границе в Читинской области. Случилось это в семье папы-лётчика и мамы-радистки в 1954 году к несусветной радости двух израненных фронтовиков. Росла на Украине, ходила в пионерках, даже удостоилась быть командиром пионерской дружины, чем очень разочаровывала философически настроенного папку, имевшего к тому времени диссидентский настрой ума.

Тогда же и случились первые литературные опыты. Стихи писались в муках, в состоянии огорошенности от их появления на свет и были обильно смочены слезой от первых влюблённостей... Мир был огромен, а стихи были маленькими и очень глупыми, что возмущало тогда уже не по годам развитый интеллект. И посему были задвинуты на несколько лет в запасники памяти.

И вдруг – Москва! Учёба в Бауманке, огромная любовь, потрясшая основу бытия, музыка, камерные хоры с гастроями и – стихи, стихи, стихи! Однажды, прилетев на короткую побывку к обожаемым родителям, случайно оказалась на конкурсе поэзии на Украине – и победила! Состояние шока. Неожиданная окрылённость занесла в редакцию «Юности», где по рекомендации маститых украинских «виршистов» и пропечаталась. Стихи становились более или менее профессиональными, а литературные реалии более конкретными – мечталось о Высших литературных курсах. Но советская действительность не давала второго высшего образования без необходимости.

Стихи рвались наружу! Свои научные статьи в профессиональных журналах я заканчивала в стихотворной форме – вот была потеха для глубокоуважаемых научных референтов! Писалось хорошо везде – на тесной кухне: в хрущёвской «двушке» – шумной и прокуренной квартирке студенческой семьи, на конференциях, на пне в походных условиях под гитару и портвейн, у детской постели с посапывающими во сне дочечками. Очень хорошо писалось на трагедийной нотке, хуже – на оптимистичной. И это бесило! Ну почему, почему лучше поётся со слезой, чем от радости?

Выходили подборки стихов на Украине, в России. Литературные семинары, литературные друзья на всю жизнь и – стихи, стихи, стихи... А потом всё кончилось. И был Израиль, и было синее-синее небо, и пальмы, и море. И скалы пустыни Негев с горными козлами на склонах, и библейские тропы, по которым ходил Бог...

Сначала забылся русский язык, потому что его вытеснил гортанный иврит и округлый булькающий английский. Забылся на 10 объёмных лет, чтобы потом прорваться бурной рекой на страницы Интернета на литературных сайтах. Писала взхлёб как казах, едущий верхом на осле и воспевающий всё, что увидел: о музыке, о любви, о жизни, о стране, о путешествиях, перехватывающих дыхание! И было небо, и был маленький одномоторный самолёт – и стихи, которые я громко слагала в воздухе и орала их от радости бытия под недоумевающие взгляды моего инструктора, который ну ни бум-бум по-русски...

По утрам я еду на работу с товарищем. Он немного работал в России и понимает простейшие фразы. «Почитай мне или спой по-русски», – просит он. И я читаю и пою на широком автобане ранним утром «в Израиле, на русском языке», как я написала в одном из стихотворений.

Так что и аудиторию свою я имею, и десятки тысяч горячо любимых мною читателей, которые заходят на мою литературную страничку в Интернете. Мой второй «израильский» муж понимает понемногу мой родной язык, но не настолько, чтобы понять всю глубину моей радости, когда что-то из пролившегося на виртуального читателя вдруг прорывается на главные страницы медиа. Он просто радуется вместе со мной и тихо гладит меня по голове, когда я читаю ему новорожденные стихи, переводя каждое слово...

Я тебя люблю, или Как это будет на иврите

У меня есть проблема – я верю людям!

Вот, например, сказал мне человек что-нибудь – и я, как солоха, распускаю уши и свято верю, что услышала правду в последней инстанции...

Меня поэтому очень легко обмануть; и жизнь не раз и не два пыталась обучить меня простейшей вещи, что, мягко говоря, ну, не всегда, что ли, нужно доверять тому, что тебе пытаются втемяшить – намеренно ли или так, походя... Бедная моя мамочка, первая обнаружившая во мне это генетическое упущение, часто, глядя жалостливо на свою хромоножку и понимая, что ей в очередной раз промыли мозги, говорила, вздыхая:

– Господи, как ты жить-то будешь! Ну с чего ты взяла, что это правда?

На что я гордо отвечала:

– Мне так сказал (сказала, сказали) имярек!

Или вот когда мои дочечки подросли, у них сформировалось твёрдое мнение, почти формула, что обвести их наивную мамашку вокруг пальца только ленивому не под силу! Между нами говоря, я сама о себе так не думаю, но жизнь уже так много раз доказывала обратное!

После такого вступления будет понятнее то, о чём я собираюсь рассказать. Итак, много лет тому назад, когда мы только что приехали в Израиль и пытались вписаться в новое общество, понять и принять его законы, миллион вещей казались незнакомыми и непонятными: общение, правила поведения, пугающий своей таинственной неизвестностью гортанный язык...

Я вприпрыжку бегу по пляжу с подносом в руке и разношу прохладительные напитки. Работаю я в прибрежном ресторанчике официанткой. Язык изучается вечерами в учебной студии для вновь приехавших, а днём я, полностью погружённая в языковую среду, набираюсь знания сама. Некоторые простейшие фразы были выучены сразу. Напитки, виды закусок, мороженое, деньги – всё это сразу же засело в голове крепко-накрепко! Ну а если у кого-то из клиентов возникало особенное желание – например, салат нарезать длинненько, соломкой, или колу смешать с лимонным соком – я тут же звала хозяина или других официантов на подмогу, ничуть не смущаясь, а, наоборот, весело хохоча вместе со всеми над своим минимальным ивритом!

Всё было весело, красиво, необычно – как в сказке! На пороге январь, а я, окунувшись очередной раз в море, бегаю между столиками, разношу заказы и всем улыбаюсь! Видели вы такое? Тётке за сорок, неизвестность полная: чужая страна, что будет с работой, с детьми, как-то всё образуется? А у меня – жеребьячий восторг! Но ведь и людям возле меня весело и хорошо! Вон все улыбаются мне, суют чаевые, говорят мне слова, которые я ещё не понимаю, но обязательно выучу!

Вчера на занятиях в вечерней школе мы выучили фразу «Я тебя люблю!» Сердце таинственно замирало от этих слов... Вы заметили, что очень часто, когда вы только начинаете учить незнакомый язык, вы сразу же выучиваете признание в любви? Почему? Наверное, потому, что это важно, потому, что это ключевая фраза в жизни, потому, что сердце замирает, произнося эти слова... по крайней мере, у меня.

Мужчина за последним столиком давно отставил газету в сторону и внимательно, с открытой улыбкой наблюдает за мной... Я часто вижу его здесь, среди постоянных клиентов. Он заказывает неизменно израильский завтрак: зелёный салат, козий сыр, глазунью, несколько кусочков маринованной сельди и маслины, после чего следует чашечка чёрного кофе. Всё это я приношу и ставлю перед клиентом. Он протягивает мне кредитную карточку, чтобы сразу рассчитаться и кладёт бумажку – очень солидные чаевые! Я смотрю на него, не понимая – это всё мне, или я должна разменять и принести ему сдачу?

– Бери! Это тебе! Я тебя люблю!

Я поняла каждое слово! Но легче от этого не становится... Я чувствую, как всю заливают краской. Чего это он? Я не давала ни малейшего повода! Для меня эта фраза – чудесная мантра, которую произносят максимум несколько раз на протяжении жизни... Эй, парень! Ты чего? Думаешь, если я официантка, да ещё и недавно в стране, то можно мне вот так, сразу говорить ТАКИЕ СЛОВА?

Я разворачиваюсь и со слезами на глазах убегаю. Рассчитывает его уже другая официантка, а я всхлипываю в складском помещении... Хозяин допытывается, что случилось:

– Может, клиент тебя обидел? Может, он сказал что-нибудь непозволительное? Ты только скажи – я тут же вызову полицию!

– Нет! – почти кричу я в ответ. – Не нужно полиции!

Не могу же я сказать хозяину, что мне только что признались в любви!

Сцена следующая. Перед еврейской пасхой в домах наводят порядок: всё перебирается, чистится, моется. Ненужные вещи часто просто выставляют на улицу. Иногда всё это в очень хорошем состоянии. Я бы такое ни за что не выбросила! Но у нас, новоприбывших, другие критерии и другие понятия. Звонок в дверь. На пороге – сосед-израильтянин. В руках – две солидные сумки.

– Бери, бери! Всё новое! Мы уезжаем в Америку на год, вернёмся – всё равно не сможем носить: выйдет из моды...

Я с сомнением поглядываю на предложенное богатство: такие спортивные костюмы для детей, для мужа, такое постельное бельё в упаковке, новёхонькое, я не смогла бы купить, если бы даже и захотела, – не по моим доходам...

Сосед широко улыбается, видя моё смущение. Сказать ему, что ли, что я должна с мужем вначале посоветоваться, прежде чем взять всё это?

– Бери! Я от чистого сердца! Я же тебя люблю!

Опять заливаю краской... опять подозреваю сложную ситуацию... Я – блондинка, это раз. Израильские мужчины обожают блондинок... С мужем у меня вещи непонятные творятся... Может, это уже соседями замечено? Это два. Про соседа тоже что-то такое говорили, что-то насчёт жены... это три!

Но мозг вдруг начинает работать, несмотря на ржавчину, совсем в другом направлении: что-то подозрительно часто я стала слышать эти признания в любви! А может, они означают нечто другое? Ну симпатию, например, родство душ, да просто – расположение друг к другу!

Я решаюсь проверить эту версию. Набираю в лёгкие побольше воздуха и, как бы бросаясь с разбега в холодную воду, выпаливаю:

– Спасибо! Я возьму! Я тебя тоже люблю!

Мы весело смеёмся, оба довольные состоявшимся диалогом, я закрываю дверь и долго стою, прижавшись к ней. От волнения не могу двинуться. Я поняла, как это будет переводиться!

– Я приветствую тебя! Ты мне друг! Я рада, что ты живёшь на земле рядом со мной! Мне симпатична твоя семья! Я тебя люблю!

Подружка

– Госпожа!

Он осторожно взял мою руку и поднёс к губам...

Я покраснела. Такие нежности в среде нашего инженерно-офисного состава работников выглядели как-то странно, неуместно даже...

Люди, хорошо знающие друг друга, чтобы показать радость встречи, могут приобняться, даже поцеловать в щёчку или дать себя поцеловать, но не руки же целовать, в конце концов!

Я слегка скосила глаз – не видел ли кто этого галантного жеста: неловко как-то...

От Давида это не укрылось – от него вообще трудно было что-то скрыть, от моей «подружки»!

Руки Давид не выпускал, и даже наоборот – ещё раз нежно прикоснулся губами.

Импозантный интересный мужчина с элегантной седой шевелюрой и аккуратными усами, всегда прекрасно одетый и пахнувший дорогим мужским парфюмом, выглядел сегодня необычно смущённым и немного взволнованным. Я его просто не узнавала! «Не в любви же он пришёл объясняться!» – ни с того ни с сего промелькнуло в голове... Я не узнавала свою «подружку»! Сколько лет мы работали вместе, обедали за одним столом, болтали обо всём на свете!

Я пришла работать в чисто мужской коллектив. Да и работа была чисто мужская – чертежи, компьютерные модели, замеры... Вначале меня как-то не брали в расчёт, не укладывалось в голове у моих новых товарищей по работе, как это среди них вдруг оказалась женщина. Какой такой сбой программы произошёл в их налаженной и живущей своей размеренной и такой профессиональной жизнью мужской команде, – что прислали вдруг эту русскую? Ну была бы хоть молоденькой куколкой, чтобы глазу было на чём отдохнуть... А эта – так себе, не первой молодости барышня...

А мне было наплевать на их настороженное отношение! К мужскому коллективу мне не привыкать – и там, и здесь я в основном всегда работала среди мужчин, дело я знаю, да и работы не боюсь. В общем, уже через несколько дней они начали потихоньку замечать меня, пытались разговаривать, несмотря на мой ещё ужасающий тогда акцент. А уж когда обратили внимание на мой «ненормированный» день – прихожу первая и ухожу последняя, – первый лёд был растоплен, и начинали зарождаться нормальные человеческие взаимоотношения.

Все, как один, мужчины были религиозны, носили на себе атрибуты верующих евреев и два раза в день уходили молиться. А я в это время, радуясь наступавшей тишине и одиночеству, набрасывалась с азартом на работу! Подправляла, подчитывала, уясняла! Мужчины, в свою очередь, сделали вывод, что женских черт во мне, видимо, мало, что я отношусь к категории «трудоголик обыкновенный», – расслабились и перестали чувствовать себя со мной «как уж на сковородке». Короче, вскоре мы подружились.

А ведь никому из них и в голову не приходило, какая бурная жизнь у меня кипит за порогом офиса! Я в то самое время вышла замуж – по большой любви, вопреки всем законам логики, почти в сорок восемь! Купила квартиру, уже вторую, в новом эксклюзивном суперсовременном доме! Получила права на вожделение первой в моей жизни машины! И, наконец, защитила американский диплом по компьютерным сетям! Вся эта информация просилась наружу, хотелось её с кем-нибудь обсудить, рассказать, поделиться с подружкой!

И я такую подружку нашла.

Давид отличался от других сотрудников-мужчин тем, что любил и желал слушать. Понемногу я начала делиться с ним. Он слушал заинтересованно, задавал вопросы, желая уяснить для себя некоторые непонятные ему вещи, советовал. Мне было приятно просто поболтать с ним во время обеденного перерыва, рассказать новости, обсудить проблемы.

Однажды он ворвался в кабинет, непохожий сам на себя – взъерошенный, злой, и заорал с порога:

– Иди посмотри, что они там творят в цеху, на твоём объекте! Думают, что ты не заметишь – новый человек! Халтуру гонят твои подопечные, а тебе отвечать придётся! Мы вдвоём бегом ринулись в цех. Двое молодых рабочих, пытаюсь скрыть ошибку, «чтобы не наружали», уже почти заканчивали зашлифовывать следы переделок, которые могли стоить людям жизни... Они и мы стояли друг напротив друга. Давид орал, размахивая деталью с криминальной ошибкой перед носом испуганных операторов, а я редела в голос от обиды, от разочарования в людях, от осознания опасности... Не забываются такие вещи.

Он долго не верил в истинность моих взаимоотношений с мужем:

– Скажи, а он, этот твой персидский князь, знает вообще, что у него в руках? – намекая на то, что мы с мужем принадлежим к разным мирам, культурам и социумам.

– Знает, знает! – смеюсь я. – Ты ведь вот тоже – восточный мужчина, а жену свою уважаешь, лелеешь и бережёшь!

Давид, смущённо поглаживая свой марокканский ус, доволен комплиментом:

– Ну я – другое дело! Я сам себя воспитал! Знаешь, чего мне стоило обуздать в себе вспыльчивость и прочие взрывчатые вещества? Перманентная борьба это называется.

Муж мой тоже исправно молится и соблюдает всё, что надо соблюдать верующему еврею. И я естественно относилась к уходам моих сотрудников на молитву два раза в день. Мне нравилось наблюдать, как моя «подружка» Давид и его товарищи возвращаются из синагоги – серьёзные, тихие, сосредоточенные. И как они сознательно избегают общения со мной до и после молитвы: нежелательно видеть женщину, говорить с ней. Однажды я слышала, как один из особо верующих, «экстремист», наставлял Давида: «Вы постоянно вместе! Люди всякое могут подумать! Что вас связывает? Ты – праведный еврей! А она – что ты о ней знаешь?»

Давид задумчиво посмотрел на него и сказал: «Она – человек!»

А теперь он стоит передо мной, держа мою руку в своей, и начинает говорить, смущённо, запинаясь:

– Я пришёл попрощаться. Выхожу на пенсию. С тех пор как тебя перевели на другой объект, я не переставал о тебе думать. Я помню нашу дружбу, и я всегда буду помнить наши разговоры, обеды, секреты. Мне нравилось, как ты называла меня по-русски «подружка». Я хочу сказать, что любил тебя! Я уважал и уважаю твою любовь к мужу и вашу семью. Но сейчас я ухожу. И я хочу, чтобы ты знала, Госпожа, что я любил тебя и всегда буду любить!

Он ещё раз целует руку, поглаживает свои марокканские усы, решительно разворачивается и уходит.

В воздухе ещё долго чувствуется запах его изысканных мужских духов, а мне почему-то пощипывает глаза и сжимает горло.

Как меня принимали на работу

– Самое главное – это спокойствие и уверенность в себе, – так наставлял меня психолог в социальном центре занятости на очередных курсах по поиску работы. Легко сказать – спокойствие! Да я уже несколько месяцев сижу на пособии по безработице! Я, трудоголик, которому только и радости в жизни, что вкалывать, как ломовая лошадь! Ну присмотритесь же ко мне, работодатели всех мастей и рангов – неужели вы не видите, что перед вами – чистой воды бриллиант?

Психолог – молоденький парнишка, новоиспечённый специалист по трудоустройству моих бывших соотечественников – врачей, адвокатов, учителей, инженеров – на хоть какие бы то ни было работы, считающиеся по иерархии трудовой занятости чуть более весомыми, чем уборщицы (женщины) и грузчики (мужчины). Перед ним стоит задача не из простых, а уж перед нами!..

У меня есть одно очень полезное качество – я неистребимая оптимистка и вдобавок – несусветная фантазёрша! Трудно себе представить, что бы со мной было, не будь этих двух отклонений природы.

– Ты опять отсылаешь факсы сотнями? – допытывается подруга из моей группы. Не жалко денег? Их же никто не читает! Прямоком в мусорную корзину. Сколько ты уже послала? Четыреста? Ненормальная! На весь Израиль не наберётся четыреста фирм со ставками для директора по стандартизации! Ну где твой здравый смысл?

Стоп! Вот тут ты абсолютно права – здравого смысла у меня нет и никогда, собственно, и не было, а есть вера в этого психолога-мальчика, который так старается на своей первой после университета работе. Который считает за дело чести «продать» какому-нибудь хозяинчику своих рабочих лошадок – не очень-то удачливых тёток из бывшего Союза, которые с интеллигентной самоотверженностью возят по полу тряпки в ожидании Её Величества Удачи.

– Виктория, к психологу! – Весь класс с интересом наблюдает, как я вскакиваю и бегу к двери. А вдруг повезёт на этот раз? Ну, на кого клёв сегодня? Инспектор по качеству? Контролёр? У психолога глаз горит огнём – хороший знак!

– Послушайте, госпожа! Есть место начальника отдела по качеству на авиазаводе. Завод очень далеко, у «зелёной черты» (то есть возле границы с арабами). Сможете ездить через пять городов? Это действительно очень далеко.

«Да хоть у чёрта на куличках! Лишь бы взяли», – думаю про себя.

А вслух говорю:

– Нужно подумать, поговорить, посмотреть. А какая оплата?

Психолог смотрит на меня с удивлением: я что – с неба свалилась? Конечно, минимум, как у уборщицы. Только должность уже определяется несколько иначе, и когда-нибудь в далёком прекрасном будущем... тра-ля-ля... тра-ля-ля-ля...

– Тогда я звоню? Будем назначать дату собеседования. На другом конце провода с психологом разговаривал приятный мужской голос. Вкрадчивые мягкие интонации, заявка на интеллигентность. Здесь это крайне важно. Ну что ж, хорошее начало. А это уже ко мне:

– Когда сможете приехать для прохождения собеседования? Желательно сегодня. Завтра я улетаю в Америку на два месяца. Да. Придётся подождать. Если вы мне подойдёте – мне придётся вначале рассчитать человека, который сегодня работает на этой должности.

Ну и наворочено делов! Америка, рассчитать человека, интервью... Но ехать надо.

Чёрт же меня дёрнул надеть сегодня эти высоченные шпильки, достаточно открытое сверху макси и эти пошлые пластиковые бусы! Определённо не мой день! Что обо мне подумают? Так является на интервью директор по качеству авиационного завода?

После двух пересадок на автобусах и пробежечке в три километра по производственным территориям по сорокаградусной жаре я, в образе обваренного рака, со струями пота, стекающего вместе с косметикой по бордовому лицу, вваливаюсь в офис директора.

Глаза застилают потом, я тяжело дышу после кросса по пересечённой местности, ещё не догоняю, who is who.

Прямо передо мной – рыжий двухметровый великан с голубыми глазами. Смотрит ошеломлённо. Не ожидал увидеть ТАКОЕ. Протягивает стакан холодной воды. Второй. Третий. Я пытаюсь прийти в себя, успокоиться, перевести дух. Не получается. От жары, от волнения, от страха меня всю трясёт.

Видя, что у него ничего не получается, и что интервьюируемая сейчас попросту грохнетя в обморок, рыжий великан подходит ко мне, осторожно берёт за плечи, бережно подталкивает к стулу и почти силой усаживает меня.

– Как дела?

Более дурацкого вопроса ты не мог бы придумать? Я сейчас попросту упаду, потеряю сознание, умру!

И не спрашивай меня не о чём! Ты что, не видишь, что весь иврит вылетел у меня из головы, что я не помню ничего из советов психолога и что все заготовленные впрок фразы о предыдущем опыте работы, о моём блестящем образовании, о жгучем желании работать и продвигаться вверх по карьерной лестнице, – всё испарилось из головы, как эфирная жидкость!

Кое-что я, правда, всё-таки умудрилась выдать из себя с большим трудом. Он начинает понимать, что первоначальный диагноз – дебилизм, – который он поставил мне, может быть, не совсем правилен.

И вдруг меня понесло! Всё моё существо сконцентрировалось на одном огромном желании – я хочу здесь работать! Я хочу быть одной из этих людей, я хочу, чтобы у меня был такой рыжий великан-директор, я хочу им всем доказать, что я сумею, смогу, подхожу! Ну и что, что у меня ещё слабенький иврит – зато отличный английский! Эй, вы, слышите? В жизни вам больше не выпадет такая счастливая случайность – принять на работу такое чудесное создание, как я!

Директор уже давно и почти молча рассматривал меня. Потом мы будем самыми большими друзьями на свете! Мы будем долгие годы работать вместе бок о бок на этом заводе, в этих офисах, я буду его правой рукой. А тогда ему нужно было решить очень непростую задачу – что со мной делать?

– Смотри, давай договоримся так. Я хочу, чтобы ты у нас работала. Но тебе нужно будет ждать, пока я не вернусь из Америки. Я возвращаюсь 8 сентября в шесть часов вечера. Жди звонка. Я позвоню из аэропорта. А 9 я рассчитаю прежнего работника и ты начнёшь работать.

Надо мной смеялись все, включая собственных дочерей:

– Мать, ну нельзя же быть такой наивной! Ну кто же тебе позвонит через два месяца? Мать, это же Израиль – говорят одно, думают другое, а делают то, что выгоднее, то есть третье.

А я верила и ждала. Я больше не искала работу. Я была принята. Нужно было только дожждаться 8 сентября шести часов вечера.

В тот день я уселась возле телефона ещё с пяти. Боялась пропустить. Смеху надо мной не было предела! Дорогие мои дочурки издевались, как хотели. Нет, они у меня хорошие –

просто они боялись, что со мной будет, если телефон не зазвонит. А так они каким-то образом «гасили» ситуацию.

И телефон зазвонил! Правда, не в шесть, а в восемь.

Мой рыжий великан кричал в трубку в аэропорту:

– Аллё! Это я – твой директор! Ты помнишь, что завтра на работу? Выезжай пораньше, чтобы приехать вовремя – я не люблю, когда опаздывают!

Я не опоздаю! Я приеду вовремя! Я верю людям! Я буду работать лучше всех на свете!

Ночные бдения у открытого окна

Ну и жарыща! Вентилятор дует прямо в лицо, а эффект нулевой!

Правильно говорили: не нужно снимать квартиру у самого моря!

Ну а кто из моих бывших соотечественников снимает не у моря, скажите, пожалуйста?

Подумайте сами, как это фантастически звучит: мы сняли квартиру на самом берегу Средиземного моря! Даже выговорить такое ужасно приятно! А уж написать друзьям на Украину – и подавно!

Интересно, как они там, мои друзья? Наверное, думают иногда обо мне? Как же – дудки! Как в анекдоте: умерла так умерла!

Когда это мне впервые пришло в голову – уехать в Израиль? Сначала даже выговорить такое было страшно: уехать в Израиль!

Когда моя любимая тётя Соня сообщила мне, что они уезжают, я чувствовала себя так, как будто мне на голову упал огромный кирпич. Как это – ни с того ни с сего вдруг собраться, упаковать вещи – и улететь в другую страну?

Ну хорошо – многие уезжают, особенно сейчас, когда все привычные вещи в жизни рухнули, развалились, как карточный домик: предприятия стали закрываться, работу искать стало практически нереально, цены подскочили в десятки раз!

Ну меня, положим, это не очень касалось – дело в том, что все последние годы, с тех пор как я ушла на «свой хлеба», то есть перестала зависеть от зарплаты, милостиво положенной начальником, от премии за невесть что и от подписи босса, который решает, уходить или не уходить тебе в отпуск, жизнь моя заиграла всеми возможными красками! Я была классным репетитором в родном городе, ко мне очередь была расписана на годы вперёд.

Математика, физика, английский! Кто следующий в очереди за счастьем поступить в престижный вуз? Готовлю без «проколов»! Поступают все! Действительно, поступали почти все, ну за редкими исключениями. Потому что брала ребят с головой, потому что вкладывала в каждого душу. Сначала влюбляла их в свой предмет, а уж потом «грузила» их так, что искры летели! Попробуй-ка не поступи после этого в какой хочешь вуз!

Деньги в семье водились. Надо – возьми вон в той шкатулке! И не мешайте мне заниматься – у меня ученик! Не заметила, как девчонки вдруг выросли, как муж перестал замечать...

А тут вдруг – трах-бах! – тётка уезжает! Куда, что? А где это точно находится – Израиль?

Школу я окончила на отлично, но вот с географией всегда были проблемы. Ах, в Средиземноморье? На самом берегу? Вот здорово! Обожаю море, но я никогда не могла себе представить, что можно жить вот так прямо на берегу и бегать купаться по утрам перед работой.

А тётка моя – возьми и соберись в Израиль! А как же я? После смерти родителей тётка была самым родным человеком. Ну ещё брат. И вот путём простейших умозаключений я прихожу к выводу, что если моя тётя Соня собралась уезжать, то я ведь тоже могу!

Это было так неожиданно, что в результате шока я чуть не умерла!

Дальше всё происходило очень быстро: поездка к консулу в Киев, документы на ПМЖ, распродажа семейной утвари. Квартирку нашу купили сразу, не зря я тогда сделала «евроремонт» одна из первых в городе.

Уезжать было нестрашно и очень интересно. Свежий ветер перемен. Моих отношений с мужем он уже не мог реанимировать, но надежда на то, что в нашу жизнь ворвётся что-то большое и светлое, давал. За девчонок моих было радостно. Уж они-то себя найдут в новой стране, с новыми друзьями!

Иврит всем давался легко. Девочки буквально с первых дней уже щебетали на незнакомом языке и заливались смехом над моими ошибками!

По закоренелой привычке о себе как-то не думалось.

Все мысли были о детях, об их будущем.

Ну где же она, ей-богу? Второй час ночи. Есть же какой-то предел! Израиль Израилем, бэсэдэр! – новое словечко, прилепившееся как-то сразу, как банный лист, и обозначающее на иврите «порядок», – но всё-таки должна же и совесть быть! Куда же запропастилась моя дорогая дочурочка? Ведь знает же, что я по своей «совковой» привычке предпочитаю, чтобы мои золотые доченьки-красавочки мирно посапывали в своих кроватках, а не разгуливали по ночам, как кошки!

Хотя в Израиле так принято. Ночь – это «детское» время. Большинство подростков разгуливает по ночам, сидит в кафешках, танцует в барах и пабах. А родители преспокойненько спят, ни о чём не переживая. А что такого? Пусть гуляют, на то она и молодость!

Мне бы такое спокойствие! Ну можно хотя бы позвонить! Она ведь знает, что я ещё не совсем «акклиматизировалась» и жду у окна, когда появится на ярко освещённой фонарями улице стройный силуэтик моей долгожданной!

Бог наградил меня красавицей доченькой. Люди просто теряют дар речи от её красоты! Во все времена фотографии и просто дельцы от мира модных журналов останавливают её на улицах и предлагают снять фотоальбом. Правда, нужно сначала заплатить. На что она гордо отвечает, что в таком случае платить нужно ей за потраченное время. Я умильно горжусь этими её задатками графини.

Я бы так не смогла. Да и красавицей особенной я никогда не была. Младшенькая моя дочечка – вылитая моя копия. Тоже не красавица. Но с огромным таким сердцем! Из-за этого у неё с детства большие проблемы – из-за слишком большого доброго сердца. Но об этом как-нибудь в следующий раз.

Третий час ночи. Молодёжь под окнами гуляет самозабвенно, до изнеможения. Не так, как в России. Здесь не пьют, по крайней мере много. Хорошие еврейские дети. Случаются, конечно, всякие вещи, но подростки знают, что если полиция заведёт дело – это на всю жизнь. Прощай, армия, карьера, учёба! Это мои дочечки пытаются мне объяснять. Но я не могу привыкнуть ни к ночным их прогулкам, ни к новому стилю жизни буквально во всём!

Недавно из-за какого-то пустяка я повысила голос на мою младшую дочку. Так знаете, что она мне сказала? Я пожалуюсь на тебя в полицию! Ты унижаешь моё человеческое достоинство! Вот так-то! Ни много ни мало... Здесь я опускаю комментарии, что я думала в тот момент...

Старшую дочку я сама, «собственноручно», познакомила с её нынешним кавалером. Серьёзный парень. Офицер в прошлом, студент в настоящем, музыкант. С задатками гения.

Познакомилась с его бабушкой – заядлой пловчихой – на пляже. Разговорились. Оказалось, что у неё совершенно особенный гениальный внук, а у меня одарённая красавица дочь.

Разработали стратегический план знакомства. Всё получилось. Мы с дочкой «ненавязчиво» пришли к нему «прослушаться» на роль солистки в его музыкальном джаз-бэнде. Дети увидели друг друга и «пропали». И вот теперь я стою тут у окна в три часа ночи и жду свою ненаглядную. Чего ты стоишь у окна? Иди спать. Они вместе. Им хорошо. Нет причины волноваться. Подумай лучше о себе.

Что у тебя-то? Семейный костёр уже еле теплится... У мужа «роман» с молоденькой девочкой. Сама виновата. Не уделяла должного внимания мужчине, не восхищалась, не смотрела влюблёнными глазами, как когда-то.

Ну что ж, лети, голубок! Лети, пока волосики не поредели! Компостируй мозги молоденькой дурёхе своими «гениальными» идеями. А я больше не хочу. Сыта.

Да что же это такое? Ты что же, доченька, решила домой сегодня не приходить? Не жалеешь ты мамашку. Хотя, наверное, ты права – нужно же когда-нибудь не прийти ночевать домой

в первый раз... Не думай, что я такая уж и наивная. Я знаю, дорогая моя, что у тебя в твои семнадцать уже были серьёзные романы и увлечения. Как все твои кавалеры страдали и плакались мне в жилетку! Это потом будет идти с ними по жизни – любовь-заноза к тебе. Они потом будут писать тебе из других стран по Интернету и ожидать, как милости, снисходительного ответа их королевы. А пока – ты в первый раз не пришла домой. Или придёшь под утро.

Который, кстати, час? Ого! Четыре. Не жалеешь ты меня. Хотя чего меня особенно жалеть? Вспомни-ка себя, дорогуша, в твои семнадцать!

А ничего особенного и не припоминается в области романтических отношений. Не был. Не замечен. Не состоял. Это потом уже, в восемнадцать – любовь длиною в жизнь. Ох, не хочу и вспоминать! Мурашки по коже... Какие страсти, ну просто испанская коррида! Весь университет с замиранием сердца наблюдал за этой страстной схваткой – не на жизнь, а на смерть! – известного Казановы с масличными глазами и отличницы-комсомолки. Когда в периоды бурных примирений вы сходились в смертельной схватке, от этой корриды дрожали стены и ломалась кровать в комнате студенческого общежития!

Так что не тебе читать нравоучения твоей умненькой красавице-дочке.

В брак эта бурная страсть плавно не перешла, хотя вы и любили друг друга всю жизнь... К чему было выходить замуж за другого? Так, показалось, что смогу построить настоящую семью с детьми, с взаимопониманием, с уважением. Парень казался сильным и крепким как скала. Ну что ж, 23 года счастливой семейной жизни – это тоже очень хорошо. Спасибо и на том. А сейчас в доме висит дымовой завесой мрачная тишина. «У нас как в гробу. Так жить нельзя. Разводись», – сказала на днях старшая дочь. Ну что ж, устами младенца...

Уже светает. Скоро на работу. Я пока что, как и вся русская «понаехавшая» интеллигенция, подрабатываю на «временных» работах – официанткой, посудомойкой, уборщицей.

Только бы эти «временные» не стали постоянными! Только бы не застрять до пенсии с тряпкой в руках! Не то что я боюсь физической работы, нет! Я-то как раз с удовольствием мою, ношу подносы, беру чаевые в задний карманчик шорт. Просто иногда я рассказываю своим работодателям на плохом иврите или на сносном английском о своём прекрасном образовании и читаю в их глазах вопрос: «Если у тебя такие крутые дипломы, то что ты здесь делаешь со шваброй в руках?»

«Ну ладно, я подумаю об этом потом», – говорю я сама себе, как Скарлетт, и уже намереваюсь идти, наконец, поспать часок-другой, как под домом слышится галдёж и крики проходящей мимо компании подростков. Незнакомый сленг, чужая гортанная речь, чужие уставы в чужом монастыре... Смогу ли я когда-нибудь так легко общаться, как эти молодые люди между собой, смогу ли чувствовать себя дома, а не в гостях, что будет со всеми нами, со мной, с ним, с ними? Понадобятся долгие годы, чтобы ответить на все эти вопросы...

А пока я стою у окна уже который час и вглядываюсь в темноту в ожидании дочери...

День отъезда – день приезда

– А самое главное – зонтики, зонтики не забудьте!

Какие зонтики, что за бред несёт эта женщина из израильской группы поддержки и адаптации приезжающих? За окном очень морозное зимнее утро. Чемоданы собраны, уложены аккуратно горкой в углу прихожей в квартире моей подруги. Прямо отсюда, от приютившей нас последние дни перед отъездом Наташи, с мокрыми от слёз глазами мы через пару часов стартуем в новую жизнь. Нас туда никто не звал. Нас там никто не ждёт. Куда едем???

Какие зонтики? Дама в телефоне продолжает настаивать:

– У нас очень тепло, ливни. Берите зонтики каждому! Я наконец понимаю. Самая большая проблема приезжающих в Израиль – это зонтики. Есть зонтик – у тебя всё в порядке. Нет зонтика – считай, пропал!

– Вас встретят в аэропорту, поместят в гостиницу в Тель-Авиве, помогут с обустройством. Всё абсолютно бесплатно – от нашей организации помощи приезжающим евреям. Вас будут обучать истории, традициям, помогут сориентироваться в первые дни.

Звучит заманчиво. Интересно, а что будет во «вторые» дни? А в «третьи»? А это правда, что мне предстоит пройти «университеты» с мытьём туалетов или, в лучшем случае, стаканов в ресторанах?

Эти вопросы вслух не произносятся – зачем дразнить судьбу? Всё ты успеешь, голубушка, – и туалеты, и рестораны со всеми твоими учёными патентами.

Рыдаем от души навзрыд на городской площади. Несмотря на сильный мороз, человек 500 пришло проводить нашу семью и сказать последнее «прости». Уезжаем только мы – одни в большущем новёхоньком автобусе. В новую страну. В новую жизнь.

– Ну надо же – а я и не предполагала, что она еврейка! А ведь такая классная девчонка! – это о моей старшенькой одна из её институтских подружек.

Жалко брата. Мой отъезд его просто убивает! Смотрит воспалёнными глазами, полными слёз. Когда ещё свидимся, дорогой мой?

Ну всё – слова сказаны, шампанское выпито, обещания позвонить, приехать, ждать, писать, помнить розданы. Автобус трогается.

В столичном аэропорту жирная дура с глазами, полными презрительной ненависти, начинает методично и медленно разрушать абсолютный порядок с любовью упакованных вещей. Семейный архив, фотографии, папины и мамины медали. Золото ты, что ли, ищешь? Золото – два колечка и серёжки – я аккуратно указала в декларации. Наружу выбрасываются медали. Не положено. Папины и мамины военные награды остаются сиротливо лежать на отполированном множестве рук деревянном столе. Подавись. Это твой военный трофей.

Дочки захлёбываются своим горем – первые утраты, расставания на всю жизнь. Жмутся к нам – маленькие воробышки. Всё у вас будет хорошо, мои сладкие! Скажете спасибо мне когда-нибудь, что увезла вас из бандитского микрорайона, наполненного малолетними наркоманами и проститутками, где вы со всеми своими английскими гимназиями, музыкальными, балетными и художественными школами всегда были «белыми воронами».

За час до вылета самолёта мужа арестовывают. Двое энергичных молодых людей приближаются к нему с каменными лицами, подхватывают под руки и уводят. У меня уже нет никаких сил – ни волноваться, ни кричать, ни выяснять. Через час – как раз перед отлётом – его отпускают: наш «непризнанный гений» прихватил во внутреннем кармане пиджака свежеразработанную им программу по складированию консервов! «Особисты» решили, что Родина

ничего особенного не теряет в его лице, и отпускают супруга вместе с его программой. Семья воссоединяется и спешит к трапу самолёта. Всё. Впереди Израиль.

Как ни странно, в полёте ничего особенного не происходит. Поражает обилие религиозных евреев в салоне самолёта. Такого обилия кип и пейсов ранее я не видела никогда. Привыкай. Теперь тебе с этим жить.

За несколько дней до отъезда я пришла проститься со своей подругой-одноклассницей.
– С ума сошла! Куда ты едешь? Кто тебя там ждёт? Евреи будут плевать вслед твоей русской морде, – орала она, несясь вниз по лестнице вслед за мной, убегающей от её справедливого гнева. Интересно, права ли она? Будут ли плевать мне вслед эти религиозные евреи? В салоне самолёта они выглядели вполне миролюбиво.

Самолёт благополучно приземляется в тель-авивском аэропорту под бурные рукоплескания приземлившихся. Очень хочется плакать от избытка чувств, очень смешанных и непонятных. Отрезвляюще действуют русскоговорящие женщины в форменных костюмах, встречающие новоприбывающих «алимов» – так здесь называются новые репатрианты. Сухие командные фразы, лаконичные объяснения всей этой толпе взрослых и детей, перемешанных со стариками и калеками.

Все мы сильно напоминаем стадо перепуганных овец. Наконец-то все формальности позади и в руках – новенький израильский паспорт. Процедура принятия в объятия новой Родины отлажена до автоматизма.

Это радует – мне всегда был приятен порядок во всём.

Выходим наружу из здания аэропорта. Мама родная! После минус 25 градусов плюс 25! Тёплая южная ночь. Пальмы. Дождь(!) Хорошо, что у каждого – свой зонтик! Очень много иврита, всё непонятно, но нас встречают от религиозной организации, адрес которой мне дали знакомые буквально в последние дни перед отъездом. Как хорошо, что мы не поленились разыскать там, в далёких переулках, в немыслимой глуши среди снежных сугробов их представителя – маленькую хрупкую женщину в поношенном халатике! Что бы мы делали сейчас одни здесь, в незнакомой стране, без языка, родственников и знакомых?

Нас везут в Тель-Авив на микроавтобусе. Сопровождает нас и будет курировать в ближайшие дни наш бывший соотечественник. Потом он будет моим другом все последующие годы. Я с его помощью куплю свою первую недвижимость. Мои дети будут пользоваться его посредническими услугами при покупке квартир.

А тогда – он был первым израильянином, встреченным нами на этой земле. Я смотрела на него во все глаза!

– Завтра снимете квартиру, я покажу несколько хороших вариантов. Потом – в банк, медицинская страховка, детей – в школу, вас – учить язык.

Так, пока вроде бы всё ясно.

– Ну, до завтра! Я заеду утром. А пока располагайтесь здесь и отдыхайте. Это хороший дорогой отель.

Легко сказать – отдыхайте! За окном – влекущие огни ночного Тель-Авива, мы первый день в Израиле, всё складывается как нельзя лучше. Нет, нам просто необходимо отправиться гулять!

Идём по главной улице, рассматриваем вывески, людей, рестораны. Пытаемся читать слова. Последние месяцы перед отъездом мы всей семьёй пытались учить язык. К нам по вечерам приходил учитель в кипе и говорил:

– Ой, очень скоро настанет время, и вы будете сильно ругать себя за каждое невыученное слово!

Время настало. Мы себя ругали. Нужно было учить лучше, несмотря на то что свет давали редко, занимались при свечах, учить не хотелось, а хотелось задавать больше вопросов – как там живут? что едят? как одеваются?

Решили поужинать в кафешке прямо на тротуаре. Оставили там, как мы потом узнали, половину нашей будущей месячной зарплаты.

Официантом нашим был мальчишка-араб. Мы были дружелюбны, чисты и открыты общению с евреями, арабами и европейцами всех стран! Он закончил смену и пошёл показывать нам ночной Тель-Авив, заинтересованно поглядывая на моих девчонок.

Потом мы будем пить водку с этим парнишкой в нашем номере (у нас с собой было!), есть сало(!) и орать украинские песни.

Последним аккордом этого долгого дня стало «причастие» Средиземным морем.

Девчонки подбежали к тёплым волнам и, набрав воды в ладошки, окунулись в неё лицом.

– Мама! А водичка тёпленькая!

Да, водичка была **ОЧЕНЬ** тёплой! Невдалеке был слив сточных вод.

Но об этом мы узнаем позднее.

Туалетные услуги

– Да сколько же можно жаловаться! Хотела бы я посмотреть, в какой чистоте вы содержите свои туалеты дома! – Я сердито катила свою тележку уборщицы с набором моющих средств, вёдер и швабр по бесконечному коридору компании. Компания была телефонная. Коридор был длинный – сто офисных помещений плюс несколько туалетов. Уборщица я была никакая.

Ну то есть я очень стараюсь убирать чисто и быстро.

Но оказывается, что уборка – это профессия, и мне с моим инженерным дипломом и ещё кучей всевозможных достоинств, прямо скажем, есть чему поучиться.

Во-первых, мне, как технической интеллигенции из бывшего Союза, никакая другая работа в Израиле на первых порах не светит. Ну хотя бы до тех пор, пока не выучу язык. А иврит, я вам скажу – штука тонкая.

А во-вторых, к физической работе нам, научным сотрудникам, привыкшим работать, не поднимаясь по несколько часов из-за стола, тоже нужно приноровиться.

– Ну вот опять – раскудахтались! Туалеты, туалеты! Поговорить, что ли, больше не о чем? Мою, мою я ваши туалеты весь день! Сидите, решайте свои производственные проблемы! Что, самая насущная вещь на свете – это место, где человек предаётся своим естественным потребностям?

Иврит я знаю плохо. Да и разговаривать ещё стесняюсь. Дочкам хорошо! Уже щебечут, как птички, на иврите!

Смеются над моим произношением.

Но вы же знаете, милые, что мамашка ваша всё выучит, выучится и построит себе замечательную новенькую карьеру здесь, в Израиле! Только вот туалеты эти...

Две тётеньки-начальницы, примерно моего возраста, стоят и судачат о чём-то за моей спиной. О чём – я ещё не понимаю. Но когда-нибудь я всё пойму!

Я мою коридор. Тётки судачат.

Знакомое слово резануло слух – опять туалеты?

– Ах так, значит? В лицо улыбаются, перебрываются со мной иногда несколькими английскими фразами, а за спиной обсуждают качество моей уборки?

И вот что интересно – коридоры не обсуждаются. Коридор на иврите – «проздор». Этого слова я не слышу.

А вот туалет – это «ширутим».

Целый день – ширутим, ширутим, ширутим! Они мне уже ночью снятся, эти туалеты!

Наконец в один прекрасный день я решаюсь заговорить на эту болезненную для меня тему с моей старшей дочкой.

– Доця, как ты думаешь, а на какую ещё работу я могу рассчитывать как новая репатриантка, не знающая языка?

Доченька озадаченно смотрит на меня:

– Ма, ты чё, прозрела? Поняла, что лучше учить язык, чем возить по полу тряпку?

– Ну что уж ты так низвергаешь меня? Да выучу я этот клятый язык! Нет, я про другое – что, если меня уволят?

И я начинаю взахлёб рассказывать, что я, оказывается, плохо мою туалеты, мною все недовольны.

– Я постоянно слышу целый день – ширутим, ширутим, ширутим!

Дочка хохотала так, что слёзы лились у неё градом. Она опустилась на пол и в буквальном смысле каталась по полу от смеха.

– Мам, ну ты даёшь! – наконец с трудом выговаривает она. – «Ширутим» – это ещё и услуги, понимаешь? Фирма обсуждает, какие услуги она предоставляет заказчику! Телефонная компания предоставляет услуги, «ширутим», понимаешь? А ты со своими туалетами!

Я присоединяюсь к хохоту дочери – слава богу, меня, скорее всего, не уволят!

Хаим – миллионер с чёрными руками

Проснуться в первый раз в новой стране – особенное чувство!

В крови ещё бродят и пенятся переживания последних дней отъезда, прощальные напутствия, взгляды, слёзы, обещания...

А реальность уже стоит в дверном проёме – будит, тормошит, поторапливает!

– Ну-ка, подъём! Едем смотреть квартиры на съём! – в дверях стоит хозяин посреднической фирмы, которая занимается предоставлением квартирных услуг.

Вчера он встретил нас в аэропорту, привёз в Тель-Авив и поселил в прекрасную, как сейчас говорят, эксклюзивную, гостиницу в самом сердце города, у моря.

Не хочу, чтобы у вас сложилось превратное впечатление – что вот так сказочно легко, из аэропорта – в новую жизнь, в центр страны, в шикарную гостиницу – начинается жизнь эмигранта, или точнее, «возвращенца» в страну обетованную! Иногда это процесс намного более болезненный и не столь приятный. А нам просто крупно повезло! Наш домашний учитель иврита, у которого мы брали свои первые уроки тогда ещё абсолютно незнакомого и пугающего этой незнакомостью языка, дал нам адрес добровольческой организации на Украине, которая помогает семьям в обустройстве первые три дня в новой стране. А там – летите, голуби, уже сами!

Хозяин фирмы по съёму квартир работал с этой фирмой-посредником, встречал ново-прибывших, поселял их в отель, подыскивал вместе с ними квартиру, которая станет первым жильём и пристанищем испуганных, робких, огорошенных новизной и всеми свалившимися на них за последние дни испытаниями новых репатриантов, жмущихся, как овцы к вожаку, к этому первому в их жизни израильтянину, который ещё и по-русски понимает!

Это потом он станет моим хорошим другом и товарищем, с помощью которого я и мои дети будут покупать свои квартиры! Да и я ему помогу с английским, который был для него камнем преткновения для поступления в университет. Он возьмёт язык за пару лет, поступит в свой сороковник на отделение юриспруденции, окончит его и откроет вместе с дочерью юридическую фирму! Но об этом как-нибудь потом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.